

одного, а получаешь совсѣмъ другое. По этому поводу я вамъ могъ бы разсказать анекдотъ...

Раиса провела рукой по лбу.

— Вы всегда такъ милы, Никодимъ Павловичъ, и добры, — сказала она разсѣянно. — Отчего не принимаютъ багажа? Еще рано?.. Никодимъ Павловичъ, вамъ ничего не говорила сегодня мама? Мама общала утромъ дать мнѣ пять тысячъ... Да, а зачѣмъ вы сказали, что я вамъ жаловалась? Нѣтъ, не говорили? Она, значить, сама... Но, Боже мой, развѣ я жаловалась? Не помните ли вы ей теперь? Нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ! Но не забудьте сказать ей завтра и сейчасъ же напишите мнѣ. Хорошо?

Она встала, подошла къ Ѳедору Игнатьичу. Прягинъ налилъ полный стаканъ вина и выпилъ. Онъ молча сидѣлъ за столомъ и смотрѣлъ на все сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Чтѣ говорилъ тебѣ Никодимъ Павловичъ? — спросилъ у жены Гранковскій.

— Я, право, хорошенько не поняла, — съ улыбкой отвѣчала Раиса, издали бросивъ взглядъ на своего шафера. — Хотѣлъ разсказать какой-то анекдотъ... Знаешь, онъ ужасно добрый...

Она стала смотрѣть мужу въ глаза, и румянецъ разлился на ея лицѣ.

— Хорошо себя чувствуешь?

— Лучше не надо, — отвѣчалъ онъ и вышелъ изъ залы распорядиться насчетъ багажа. А она вернулась къ Никодиму Павловичу.

— Кажется, вы боитесь за меня? — тихо спросила она у своего стараго друга. — Совсѣмъ напрасно! Вы должны говорить мнѣ, что я буду счастлива! Давайте, выпьемъ съ вами, Никодимъ Павловичъ!

Глаза его засвѣтились лаской, и онъ сказалъ, наливая два бокала:

— Разумѣется, вы будете счастливы. У васъ всѣ данныя: вы молоды, хороши собой, умны... Сколько капель въ этомъ бокалѣ, столько лѣтъ безмятежной жизни!

Онъ выпилъ вино и продолжалъ:

— Увѣряю васъ, Раиса Николаевна, что я душевно радъ... И мужъ вашъ — прекрасный молодой человѣкъ, съ душою весьма благороднаго типа. Прошу васъ объ одномъ: чуточку, немножечко помните обо мнѣ и безъ церемоніи обращайтесь ко мнѣ, если понадобится какая-либо услуга — большая или маленькая, все равно. Дружба, существовавшая между нами до сихъ поръ,